

О православном духовенстве

1.

Недавнее прошедшее нашего православного духовенства представляет очень непривлекательную картину его строя жизни, его стремлений и интересов. Это было изолированное сословие среди других сословий, жившее особою жизнью, не подходящую под строй жизни других сословий, — сословие забытое в своём развитии, не имевшее право ни мыслить, ни желать чего-нибудь такого, чего не указано было наперёд составленными для него регламентациями и что не нравилось или не входило в программу действий у поставленных над ним приставников. Проявления жизни духовенства, выходящие из его обыденного покоя, не простирались далее прошений лиц духовенства к своим архипастырям или о перемещении на лучшее место, или о сдаче своего места сыну или дочери, или о пособии бедности и сиротству. Молодой человек, полный энергии и лучших стремлений, поступал на священническое место, окунался в эту мертвящую среду, и побившись, поратовавши в своём приходе несколько времени во имя тех стремлений и не встретивши доброго сочувствия себе, быстро понижал свой тон и тянул вместе с другими ноту на одной проведённой исстари линейке и не повышал своего голоса до конца своего. Такое начало, сложившееся временем и обстоятельствами в жизни духовенства, очень неблагоприятно отражалось на нём самом и закрепляло более и более его изолированность. Духовенство ровно ничего не выработало для себя на случай поворота и изменений в его жизни. Жизнь священника, как пастыря церкви, выражалась в одной формальной стороне священного дела — в требоисправлениях по приходу и в писании срочных церковных документов. Жизнь его, как гражданина, шла в хозяйственных домашних хлопотах и в собирании по приходу разных бенефиций. Если эти средства не удовлетворяли его жизненных потребностей, он не имел и не видел другого выхода из его вопиющих нужд, кроме архипастырской милости, которая уделяла бедности малую толику из запасов попечительства о бедных — или переводила нуждающегося священника на другое место, или давала место дочери или сыну. Но архипастырской милости добиться было не так легко. Нужно было наперёд искать протекцию сперва в своём ближайшем патроне-благочинном, затем у консисторских прокураторов и наконец в окружающей архипастыря домашней прислуге — в его келейниках и придверниках. От такого хода дел духовенство не жило своею свободною жизнью, а жило по составленному заранее плану, от которого оно отступать не могло, не смело. Если сравнить жизнь его в прошлом столетии с жизнью его в нынешнем столетии — с недавним прошлым, — то едва ли можно подметить значительную разницу.

Но вот начались преобразования в общественной жизни; от Монарших щедрот целым величественным потоком полились блага на народ русский — и *volens volens* жизнь духовенства, по виду тихая и покойная, благодатная, стала мало-помалу выходить из своей обросшей ложбины. Земские учреждения, призвавшие к участию в суждениях на земских собраниях и лиц духовенства — дали понять духовенству, что и оно может сметь своё суждение иметь. Тут оно впервые узнало баллотировку. Мы были свидетелями этого первого вступления духовенства в жизнь общественную. Какое тяжёлое чувство мы испытали тогда! Человек 12-ть пастырей церкви в рясах, иные в скуфьях и крестах забились в уголок залы собрания, переговаривая между собою едва слышными словами, робко посматривая на это *диковинное* для них дело, не смея перейти с одного места на другое! Когда председатель собрания объявил заседание открытым и пригласил к выборам гласных; то произошло некоторое судорожное движение в том

* Свирелин, А. И. О православном духовенстве / А. И. Свирелин // Церковно-общественный вестник. — 1874. — 1 января (№ 1); 4 января (№ 2); 15 февраля (№ 20); 17 февраля (№ 21). — С. 6—7; 6—7; 6—8; 6—8.

укромном уголке, все приготовились к чему-то, но не смели переступить черты, окаймляющей их угол. Когда же последовало вторичное приглашение председателя, обращённое именно к *батюшкам*, тогда мерною тихою стопою, один за другим, потянулись батюшки делать то, что делали другие. Но всё-таки земские учреждения сделали шаг вперёд и в жизни духовенства. Пастырь церкви узнал, что он может действовать законно и вне своей церкви, вне своего прихода. Новые гласные суды, производимые выборными на земских собраниях судьями, приблизили к духовенству мысль, что лиц духовных могут судить избранные им самим судьи, а не назначаемые только начальством, не благодетели только консисторские. Новый устав семинарий и училищ в очию познакомил духовенство с выборным началом. Пользуясь им, оно избирает из среды себя депутатов на съезд, членов в семинарское и училищное правление. Духовенство заговорило посвободнее и стало открыто заявлять о своих нуждах. Объявлен был указ об учреждении попечительств церковных под председательством местного священника. В некоторых епархиях даже стали вводиться предметы роскоши в жизни духовенства — это выборные благочинные. Новое городское положение привлекло к участию в заседаниях в городской Думе городских священников. В училищных советах, по положению, назначен член от духовенства из священников. Наступила решительная реформа приходов с целью улучшения быта духовенства. Вопрос дня — это духовно-судебная реформа. Все эти реформы и преобразования не могли не отразиться на жизни духовенства, не могли не повлиять на прежний застой её. Каково же настоящее духовенство? Какую пользу оказали на его строй жизни это участие его в общественных нуждах и интересах, эти дарованные ему новые права и обязанности и как оно пользуется ими? Об этом мы поговорим в следующий раз...

2.

- с. 6 В предыдущей статье мы указали на те учреждения, которые, казалось бы, не могли не повлиять на изменение замкнутой жизни духовенства. Нам предстоит теперь разбирать, как отнеслось духовенство к тем преобразованиям общественной жизни, в коих и оно участвует. И во-первых: как сказало участие его в земстве? Быть гласным земства имеет право не каждый член духовенства, но только тот, кто имеет к тому законный имущественный ценз. Из имеющих ценз тоже не каждый может рассчитывать попасть в гласные, так как они избираются посредством баллотировки. Такие условия, какими обставлено земское дело, отзывались на духовенстве довольно невыгодно. Право ценза, определяемое веществом и материей, вовсе не указывает способного и дельного человека. Баллотировка, при изолированном положении духовенства, при непривлекательном взгляде на него общества, было не в пользу выбора в гласные из лиц духовенства. Даже при благоприятных для него обстоятельствах избирались в гласные уездного земства из среды священников человека два, три — не более, притом большею частью из сельского духовенства. Земские собрания, как известно, ведут свои заседания непрерывно, в течение 10-ти дней, хотя бы они приходились в праздничные и воскресные дни. Земские собрания заправляются предводителями дворянства, которые и на время открытия их не изменяют своего нрава жизни, то есть начинают день в 12 часов (в полдень) и оканчивают иногда часа в 2 ч. полночь. Сельскому священнику-гласному приезжать из села в город, жить в нём 10 дней на своём содержании, оторваться от своего дома и прихода, приучаться к дворянскому распределению времени — да это такая великан жертва, какой больше и придумать нелегко. Всё-таки на первых порах были гласные и из священников, и мы не раз, перечитывая журналы земских собраний, с радостью приветствовали их дельные заявления. В последнее время, при всём нашем внимании к земскому делу, не слышим дельного гласа наших пастырей. Вероятно, то силою вышеизложенных обстоятельств, то потому, что влияние дельных священников на массу народную было неприятно гласным из дворян, они или сами отказались от участия в земских собраниях, или их не выбрали. Остались служить в земстве лица, чем-нибудь лично заинтересованные, — лица, не заботящиеся провести в земство религиозно-нравственные принципы, но сами готовые ко всем услугам влиятельным лицам в земстве, чтобы что-нибудь себе выхлопотать. Признаёмся, с грустью мы прочитали в «Современных известиях» о том, как о. Доброхотов (из г. Переславля) выпрашивал себе за труды у земства награды — и, вероятно, очень доволен был (возражения от него мы не видим), что земство положило ему за хлопоты 100 р. и обещалось представить его к камилавке. От службы в земстве с такими узкими задачами, конечно, и речи быть не может о пользе её для духовенства. Мы помним то блаженное время, когда редакция «Православного обозрения» с искренним востор-
- с. 7

гом приветствовала это новое вступление духовенства в жизнь общественную; какие серьёзные задачи задавала она ему для деятельности! Какие благотворные цели она желала достигнуть чрез него! Желали бы мы знать, насколько оправдались её сладостные надежды? В конце концов, вот что духовенство приобрело от земских учреждений: прежде лицо духовное, жившее на своей земле и в своём доме, не знало платежа за своё скромное пользование; теперь оно платит денежный налог в земство. О новом городском положении, как основанном на одних началах с земством, говорить излишне.

Что сказать об участии духовенства в деле народного образования, которого покровитель есть в уездном училищном совете, в лице члена от духовенства из священников? Училищный уездный совет заправляет всем народным образованием в уезде, и сколько ни устраивается разных семинарий и институтов для приготовления народных учителей — всё-таки в большинстве занимаются обучением крестьян или воспитанники семинарий или священники. Ожидалось бы, что влияние духовенства в этом случае будет самое сильное, и голос его будет решительный. К сожалению, в составе училищного совета член от духовенства, кто бы он ни был, составляет едва заметную единицу. Членов училищного совета бывает человек 5 или 6, так что члена от духовенства они могут и не приглашать на заседания, а дела, по букве закона, могут решаться безостановочно прочим большинством голосов. Ещё великое счастье для совета, когда председателем его состоит не штатный смотритель, а кто-нибудь из другого ведомства. А штатные смотрители, когда-то склонявшие и спрягавшие по-латыни, но в самом деле уступающие в образовании каждому порядочному семинаристу, высматривают в провинции чуть не министрами, распоряжаются народным делом, хоть бестолково, да совершенно свободно, и какого-нибудь члена от духовенства они и знать не хотят. В некоторых епархиях, например Каменец-подольской, церковно-приходские школы строго отделены от школ других ведомств. По распоряжению преосвященного Леонтия, там заведены особые наблюдатели над теми школами из лучших лиц духовенства, отлично знакомых с педагогическим делом. Наблюдатели эти представляют свои отчёты не в разнокалиберный училищный совет, часто едва сам понимающий педагогику, а прямо преосвященному, который и приказывает печатать отчёты в местных епархиальных ведомостях. Вот и идёт там народное образование отлично! Сам архипастырь зорко следит за школами и отечески печётся о них. Там же, где нет такого живого и усердного участия местного архиерея в школах духовенства, где народное образование в руках училищного совета — там оно идёт плохо. Официальные агенты — благочинные тоже подают отчёты о церковно-приходских школах архиерею; но отчёты их большею частию исполнены лжи и лукавства — и повествуют часто о школах, которые или давно уже не существуют, или числятся без учеников (как это недавно и было заявлено в печати). Школы лиц духовных под контролем училищного совета не развивают влияния духовенства на народ, а умаляют его. Приедет, например, осматривать школу священника полу-учёный штатный смотритель. В школе этой учатся только его дети духовные — прихожане, и ревизор без всякой церемонии, при учениках же такие задаёт выговоры и замечания их «батюшке», что после его ревизии потребуются много труда и благоразумия, чтобы восстановить прежнее влияние на своих прихожан. Отчёты ревизий членов училищного совета об училищах до того иногда бывают мизерны, бестактны, бессодержательны и разноречивы, что они годны только для «Искры» или «Будильника». Мы сами читали такие отчёты — и поражены были их бессмыслием. Один, например, член разливается в похвалах училищу, другой находит его негодным; один представляет учителя к награде, другой рекомендует уволить его. Священник-учитель или воспитанник семинарии, видя над собой такой бессмысленный контроль, заботится не о развитии педагогического такта, не о лучшей постановке школы, а о том, как бы угодить личному вкусу ревизора, подделаться под его взгляд, польстить ему или угостить его. Таким образом и участие духовенства в народном образовании, в котором оно должно быть заинтересовано ближайшим образом, которое прямо должно быть его делом, вытекающим естественно из обязанности его, как пастыря-учителя, не оказывает должного влияния на его пастырское значение в среде своих прихожан. А зависимость его от настоящего состава училищных советов только портит его характер, располагая его направляться по угодению членам совета. В жизнь духовенства, таким образом, не вносится доброго вклада.

3.

с. 6 Переходим наконец к рассмотрению таких учреждений, которые уже не косвенно, а прямо влияют на жизнь духовенства. К таким учреждениям мы относим церковные попечительства, съезды духовенства, выборных благочинных и реформы приходов. При благоприятных обстоятельствах эти учреждения могли бы очень правильно поставить жизнь духовенства. Церковные попечительства могут прекрасно развить практическую сторону жизни священника как пастыря Церкви в своём приходе; съезды духовенства, дающие возможность к взаимным искренним и откровенным беседам между собою пастырей Церкви, могли бы обсудить, определить и выработать способы действия, как добре править пастырский долг, взятый в самом обширном смысле. Выборные благочинные могли бы быть лучшими наблюдателями за выработанным правильным течением жизни духовенства и лучшими руководителями, в случае уклонения её в сторону. Реформа приходов, предпринятая с целью улучшения быта духовенства, могла бы поставить пастыря Церкви в положение самостоятельное и не заставляя его унижаться и подставлять возглавлять под всякий локоть прихожанина богатого и сильного. Так бы должно быть, но так ли на самом деле?

Задача церковных попечительств прекрасная и широкая. Пастырь Церкви, как и подобает, является здесь председателем своей общины в среде своих избранных прихожан. Нигде его сердечное слово не может быть так свободно и откровенно высказано, как в этом единодушном христианском обществе, проникнутом добрым полезным направлением. Нигде он не может так откровенно высказать своих нужд об устройении и благолепии святого храма, о развитии христианского духа между своими прихожанами, об искоренении между ними господствующих вредных направлений и пороков, как в среде своих близких прихожан, имеющих вес и значение и пользующихся уважением в своей общине. Слово пастыря Церкви, высказанное от сердца, проникнутое смирением и кротостию, исполненное душевной заботы о своих детях — пасомых, слово это, говорим с дерзновением, какой бы благий плод принесло! Какое бы благотворное действие произвело на приходскую общину! Как бы, сверх того, возвысило его самого значение и положение в ней! Но какие неотрадные впечатления производит на нас практика? Далеко не во всех епархиях заведены церковные попечительства, а где они заведены, там существуют больше на бумаге. Лучшие проявления их деятельности опять видны в Каменец-подольской епархии при мудром и деятельном архипастыре Леонтие. О прекрасной деятельности некоторых братств мы можем упомянуть с полным уважением и искренним желанием дальнейшего их процветания. Мы главное внимание обращаем на церковные попечительства. Замкнутая жизнь духовенства не научила его, как практичнее взяться за это доброе дело. В большинстве пастыри Церкви отнеслись к указу Святейшего Синода о заведении попечительстве крайне небрежно и апатично. Не уяснив себе его задачи, они или прямо от себя отвечали, что попечительство не состоялось, или предъявили указ своим прихожанам: но так неохотно, так безучастно отнеслись к нему, что скорее вызвали в них саркастическую улыбку, чем убедили их сколько-нибудь в пользу учреждения попечительств — и не изъявилось желаний учредить их у себя. А другие пастыри хотя и устроили у себя попечительства, но устроили их, как и очень многое устроится в духовенстве, ради одной формы, ради пустого казанья. Потребуйте от этих батюшек отчёта о деятельности их попечительств, за подписом всех членов с точным обозначением дней собраний и предметов, подвергавшихся на них обсуждению, — мы уверены, что эти воздушные попечительства закроются. Существуют они — потому что не спрашивают об них, не требуют в них строгого отчёта. Иные пастыри и начали действовать по программе попечительства; но от своей неумелости поставили на первом плане вопрос об улучшении своего быта и начали развивать его только с экономической точки зрения. Члены попечительства с первого же раза поняли, какими преимущественно земными помышлениями проникнут их председатель, — увидели, что мзда у него на первом плане — и потеряли всякое сочувствие к новому учреждению. Дело христианское, таким образом, было проиграно с первого же раза. Церковные попечительства не привились, как должно, к жизни пастыря Церкви; но они непременно должны быть в каждом приходе, как лучшее проявление жизни каждой общины и лучшее условие развития в ней религиозно-нравственных интересов.

съезды духовенства могли бы оживить деятельность духовенства и выработать стройный порядок и образ действия пастыря Церкви в различных случаях его жизни. Съезды духовенства заведены со введения нового училищного устава, который дал духовенству право попечения над училищами своего округа. Круг деятельности их обозначен в очень ограниченном виде. В первую пору открытия их, лица, избранные на съезд, пользуясь доселе неви-

данным собранием пастырей, порывались на них заявлять и о нуждах епархиальной жизни. Даже некоторые преосвященные в числе вопросов, подлежащих обсуждению на съезде, давали вопросы и об епархиальных нуждах и делах. Но этому порыву скоро был положен конец, и заявляющие поплатились за это недёшево. В некоторых епархиях съезды были подчинены контролю консисторий — и секретарь консистории наперёд всех обсуждений, как древний глашатай при совершении жертвоприношений, изрекал волю своего владыки, на которую никто не смел заявить протеста. Воля владыки касалась даже того, кого именно следует избирать в председатели съезда, кого в члены правлений семинарского и училищного, и если выбирался другой кто, то на него епархиальной властью возводились такие обвинения, обличающие его недостойность, что тот сам не рад был выбору своих собратий. В последствии времени даже особым указом воспрещено духовенству рассуждать на съездах о предметах, не относящихся к делам училищным. Если взглянуть по совести, по чувству строгой справедливости на ту роль, какую съезды должны занимать в дозволенном им круге, то окажется на долю их одна роль — это изыскание местных средств к улучшению духовных училищ. Устав предоставил съездам право входить в учебно-воспитательную часть училищ; но это имело смысл только при самом начале введения устава. Теперь же, после 7-ми лет после введения его, участие духовенства в этом деле оказывается совершенно излишним. Что надобно было выгнать из училищ, то выгнано, и учебно-воспитательная часть успела, с указанием Высшей власти, организовать в каждой епархии — и внесена в особые инструкции, утверждённые епархиальной властью. Если бы она и потребовала по некоторым статьям дальнейшего развития — то и на это указан особый порядок. Статьи эти должны обсуждаться училищными правлениями, а постановления последних должны быть представлены в семинарские правления, и наконец идти на утверждение епархиальной власти. При такой постановке учебно-воспитательной части училищ вмешательство в неё съездов вышло бы даже комично. Если осталось здесь что делать съездам, то одно то, что они в качестве неких соглядатаев могут заявлять кому следует об отступлениях служащих лиц от постановленных правил обучения и воспитания, что, конечно, очень нелегко по многим весьма уважительным причинам. Существование в составе правлений членов от духовенства не оправдало тех задач и тех надежд, которые возлагались на них при введении устава. В губернских городах, а тем более столичных, в которых в среде духовенства много лиц с академическим образованием, выбор из них в члены правлений имеет смысл. Но в провинциальных городах выбираются в члены часто те, кто скорее под руку попадётся — или те из священников, которые ещё так недавно были посредственными учениками наличных учителей училища — или из давних воспитанников семинарии 2-го разряда, которые разучились даже правильно читать по-латыни и по-гречески. На экзаменах училищных такие экзаменаторы изображают из себя нечто вроде египетских мумий, невольно подающих поводы к насмешкам и глумлению над ними со стороны экзаменуемых учеников. История со временем вспомнит эту училищную аномалию и произнесёт над нею свой справедливый суд. Ненормальное существование членов от духовенства в составе училищных правлений с огромными правами противоречит даже духу самого устава. Тогда как для поступления в учителя училища на один учебный предмет требуется, чтобы он непременно имел степень студента семинарии и выдержал с успехом три пробных лекции, — для поступления в члены правления с правом наблюдать за преподаванием *каждого предмета* и экзаменовывать по нему не требуется никакой степени, никаких знаний, а только узаконенное большинство шаров чрез закрытую баллотировку. Мы знаем училища, в которых члены от духовенства сами сознали свою несостоятельность в учебном деле и добровольно уклонились от него. Нельзя не отдать им полной благодарности за эту откровенность и честность! По крайней мере они не путают учебного дела и не мешают ему идти правильным образом! Ведь и без этого вмешательства они могут числиться членами и получить за 12 лет своей членской службы орден святой Анны 3-й степени. Таким образом, съезды духовенства не привнесли в жизнь духовенства правильных разумных начал, и можно надеяться, что по точном определении и изыскании средств к содержанию училищ они потеряют всякое значение, равно как и избранные ими члены правлений от духовенства, если только не возложат на последних специальное наблюдение или распоряжение экономической частью училищ.

Из съездов образовались по местам благочиннические советы с целью обсуждать вопросы епархиальной жизни. Сперва было в них кое-какое движение; но теперь и они что-то замолкли. Иначе и быть не может. Советы устроятся под председательством казённых благочинных, которые только и заботятся о том, как бы чем не оскорбить консистории и делать всё к её услугам: возможно ли тут свободное обсуждение епархиальных нужд? Где уж тут рассу-

дать о чём-либо малой части духовенства, когда и общепархиальные съезды не могут устоять против силы давления консисторского? Мы знаем общепархиальный съезд одной епархии, которому, между прочим, было предложено заменить консисторские поборы определённым жалованьем служащим в консистории. Съезд с великою радостью согласился на это; но в своём постановлении оговорил, что прибавка эта должна существовать только до тех пор, пока служащие в консистории не будут получать увеличенные оклады жалованья (тогда был уже известен об этом указ Святейшего Синода). Наступило наконец время получения этого ожидаемого жалованья; собрался опять тот же съезд. Поднят был кем-то вопрос об уничтожении прежней прибавки (очень значительной, едва ли не 1%, но никак не менее 1/2% с получаемого духовенством рубля); кое-где послышались робкие голоса, поддерживавшие его, но большая часть промолчала или уклонила от подачи голосов... А благочинные без церемонии высказались даже в пользу удержания прибавки, выговорив себе, на свою руку, только то, чтобы консистория не ревизовала ни метрических, ни духовных книг, рассмотренных ими, а довольствовалась бы одним их благочинническим свидетельством. Консистория и на это согласилась с благодарностью. И осталась прибавка та до сего дня, и собирается она благочинными с особенным тщанием и ревностью, и духовенство бедное морщится, негодует, но платит, и никто не посмеет высказаться против сего. Ещё увеличат прибавку — и всё-таки платить станут... Хоть миллион прибавьте консисторским, и всё-таки при всяком удобном случае они никогда не опустят своего и где что можно взять — всегда возьмут. Без этого едва ли и мыслима консистория.

4.

- с. 6 Ни один вопрос не занимает так сильно духовенство, как вопрос о выборе благочинных. С тех пор, как печати дана некоторая свобода, и в духовных и светских журналах постоянно заявляются жалобы на произвол и деспотизм благочинных, назначаемых епархиальною властью, и высказываются настоятельные желания о выборе их от духовенства. Желания, конечно, очень естественные и понятные. Окружающая духовенство среда, даже крестьянская, пользуется свободно выборным началом и проявляет жизнь свою самостоятельно. Одному духовенству не счастливится, — одному ему не даётся права свободно обдумывать свои дела; одно оно, как какое-нибудь потомство, лишённое благословения отеческого, не пользуется доверием, и *благоговейные* иереи, поставленные в своём приходе светить словом истины и житием, подчинены благочинному, своему брату, иногда не умеющему написать со смыслом нескольких строк, но умеющему отлично обдирать только свои дельцы и праздновать, и притом так подчинены, что и такой человек пишет в клировых ведомостях поведение священно-иереев
- с. 7 и пишет так, как ему захочется. Не принижение ли это иерейского сана? Не принесение ли это его в жертву для того, чтобы духовенство всегда было в самых крепких узах. Такого унижения мы не видим ни в одном сословии. Мы доискивались, разузнавали, не существует ли где такого обычая — и нашли одно не очень казистое место: арестантам, содержимым в заключении, предписано, по выходе их из заключения, выдавать свидетельства в том, *какого поведения* они были, когда содержались в заключении. Не пора ли эту рутину, убивающую духовенство нравственно, совсем уничтожить, чтобы она ниже да именовалась в священном сане? Во взглядах епархиальных начальств на выборное начало замечаются иногда неустойчивость и даже противоречия. В Екатеринославской, например, епархии преосвященный Платон, как человек понимающий нужды духовенства, дозволил ему право выбора благочинных. После него поступил на эту епархию преосвященный Алексей (ныне пребывающий на покое) — и запретил духовенству выбирать благочинных, сказав при этом замечательное изречение, что благочинные для него нужны, а не для духовенства. А в пензенской епархии по этому же вопросу нашли, что благочинные нужны не духовенству, а консистории — и нельзя не поблагодарить за это пророчество, за эту откровенность. Действительно, без благочинных консистории тяжело жить и в экономическом и в нравственном отношениях... Разногласица по вопросу о выборных благочинных страшная. В одних епархиях не велят и заикаться о нём, в других — даже публикуют в епархиальных ведомостях, что у нас-де существуют и выборные благочинные; но, кажется, правильного выборного начала нет ещё ни в одной епархии. Мы сами знаем некоторые епархии, в которых допущены выборы благочинных: но что это за выборы? Боже мой! Одна пародия над выборами, и лучше бы их не было. Выборы *предписано* было производить под председательством *прежних благочинных*, и таким образом в самом зародыше погублено

было выборное начало. Если принцип выборного начала есть свобода совести и убеждения лиц избирающих; то логично ли ставить во главе лицо, духом и плотию заинтересованное званием благочинного, и присутствием его с глазу на глаз стеснять избирающих? Ну, вот и были выборы! Председатели — старые благочинные устроили выборы на *масленице*, у себя в доме, за блинами и за прочим обильным ястием и питием, — предлагали баллотировочные шары тогда, когда видели, что чувства избирающих достаточно возгреты и расположены в их пользу. От такого мудрого и пронизательного приёма благочинными остались почти все прежние. Там же, где они потерпели фиаско, выручала их епархиальная власть и назначала *забаллотированных* в другие благочиния, а иногда тогда же сама вновь навязывала духовенству таких благочинных, которых оно никогда бы и не подумало избирать. Всё это факты, уже заявленные в печати. Следящий за нею знает их и знает, где они бывают. Доколе выборное начало не получит правительственной санкции, не введётся повсеместно везде как закон, не будет ограждено от всяких посторонних вмешательств и стеснений, — дотоле нечего ждать доброго от появляющихся по местам выборов. Без того они всегда будут служить игрищем страстей, источником мелких дрызг, низких интриг, злоупотреблений и насмешкою над выборным началом.

Против выбора благочинных обыкновенно возражают: «Благочинные суть доверенные лица епархиальных архиереев, следовательно, и должны быть назначены ими же». Пусть будет так, пусть избранные архиереем лица и остаются их доверенными благочинными: духовенство с удовольствием уступит таких благочинных архиереям и не вступится в них, потому что оно собственно для себя-то от них пользы не видит. В самом деле, что делают нынешние казённые благочинные? Пишут срочные рапорты и отчёты, ездят по своему участку на освящение храмов, навязываются на поминки зажиточных прихожан, пируют на храмовых приходских праздниках иногда с своими жёнами, собирают разные оброки с церковью и духовенства — вот их главная и видная деятельность! За такими благочинными духовенство никогда не погонится. Духовенству нужны благочинные — опытные и честные руководители в его жизни и его нуждах; ему нужны умные и добрые советники, как ему пасти добре своё словесное стадо, как поступать ему в различных обстоятельствах его пастырского служения, как лучше поставить проповедь слова Божия, вести нравственное воспитание своих пасомых, поправить вопиющие нужды огромного в духовном звании сиротства и крайней бедности, ему нужен человек, понимающий интересы духовенства, оберегающий и защищающий их. Дайте духовенству выбрать таких лиц, нисколько не стесняя его, и оно изберёт и будет глубоко благодарно за даруемое ему право. Нужды нет, что будут два благочинных: один архиерейский, другой — духовенства; они уживутся и не помешают один другому. Один под именем *поповского старосты* будет орудием архиерейской власти, которая будет получать чрез него *казённые* требования; другой, под именем благочинного в собственном смысле, будет блюстителем и руководителем в пастырском служении, проводником к архиерею нужд и требований духовенства, его защитой и охраной. О содержании первого пусть позаботится сам архиерей, а второго — с удовольствием будет содержать на свой счёт духовенство. А теперь как-то выходит не очень складно: благочинные, говорят, нужны архиерею или консистории, а не духовенству; между тем жалованье благочинному возложили на духовенство: ему благочинные не нужны, а оно платит им деньги из своих доходов...

Реформа приходов, утверждённая в 18-ти губерниях с целью улучшения быта духовенства, едва ли вполне достигнет той цели, какой желает достичь правительство. Это благое дело было много испорчено в самом начале в местных комиссиях под председательством благочинных. Эти люди и здесь наблюдали главное — свои интересы. Свои приходы и своих родственников они старались отстаивать всеми возможными приёмами и обеспечивать их припискою к ним других приходов, чтобы оставить главными, самостоятельными. Нам передавали такой несомненный факт. Благочинный города одной из внутренних губерний приписал к своей церкви соседнюю церковь, благоустроенную гораздо лучше, чем его церковь, и имеющую при себе очень хороший дом для всего причта. Мотивировал он это присоединение тем, во-первых, что его церковь очень древняя (хотя на это не представил никаких древних актов), во-вторых тем, что в его-де церкви есть местная *храмовая икона*, которая пользуется усердным чествованием его прихожан. Дело, как видите, очень обыкновенное на нашей святой Руси. Но где же *храмовые иконы* не пользуются усердным чествованием своих прихожан? Но у благочинного вышло это дело необыкновенное и сошло с рук прекрасно: приход тот приписан к его приходу, и получено утверждение. К немаловажной ошибке комиссий надобно отнести ещё и то, что они по большей части вели свои дела в тайне: приписывались приходы — одни к другим без сноше-

с. 8 ния с прихожанами; большие приходы разделялись по частям и отписывались к другим часто не только без ведома прихожан, но и самих священников. Прихожане, не предуведомлённые прежде, ропщут и нейдут к приписным приходам; приходы, обеспечивавшие причт, от разделения их по частям сделались мизерными. Сельские приходы от приписки к ним других приходов могли бы хорошо обеспечить причты и очень легко; но улучшение это сильно тормозится и запутывается по непонятным причинам. В приписные приходы помещаются заштатные священники с правом получать доходы в свою пользу. В числе этих священников большая часть таких, которые вовремя успели сдать свои места дочерям — или получают пенсии.

Неутешительные результаты вытекают из рассмотренного нами. Много затронут вопросов, много открыто путей для общественной деятельности духовенства, могущих прекрасно развить силы его духа: но как-то вяло, робко и мелко его действие и в общественной среде и в прямом его пастырском служении. Живая, свободная мысль и его пастырское слово забиваются разными формами без духа и силы. Самоусовершенствования в нём не видно, гражданского мужества и твёрдого характера нет, — измельчание личных интересов доведено до крайности; тяжести его жизни не облегчены, горькая доля вдовства и сиротства не улучшена, — высших, благородных интересов не развито, и если попадаются почтенные личности, то они составляют прекрасное исключение из общего правила. Главная цель забот и дум в духовенстве — это заботы и думы об улучшении его вещественного быта: сюда главным образом направлены его крепкие силы и способности, — об этот камень соблазна и преткновения разбивается мощь его духа, — под этим камнем пепелится и преждевременно гаснет его духовная высшая жизнь! Мы сами знаем пастырей церкви, которые, получая от прихода недостаточное содержание, изыскивают средства к выходу из гнетущей его бедности или в тяжёлом труде земледельческом, или в занятиях скотоводством. Мы сами нередко видали членов причта, работающих по найму на ниве крестьянской, и знаем опыты, что некоторые из них в силу того же давления занимаются даже звероловством. Религия — и скотоводство, и звероловство — какие тяжёлые и несовместимые понятия и обязанности!..

Автор установлен по стилю речи, теме обсуждения, деталям изложения и по указанию биографа на то, что Свирелин писал статьи в эту газету. — *Ред.*